

Алексей ГОРЬКОВ

«ВСЁ УНЕСЁТ С СОБОЙ ВРЕМЯ...»

Алексей Викторович Горьков родился в 1964 году в селе Троицкое Октябрьского (ныне Тюльганского) района Оренбургской области. Служил в Советской Армии, после демобилизации работал в милиции, затем в охранных структурах. Увлекается краеведением, пешими и велопоходами, печатается в региональной прессе и интернет-изданиях. Живёт в городе Новоуральске Свердловской области.

По несчастью или к счастью,
истина проста:
Никогда не возвращайся
в прежние места.
Даже если пепелище
выглядит вполне,
Не найти того, что ищем,
ни тебе, ни мне.
Путешествие в обратно
я бы запретил,
Я прошу тебя, как брата,
душу не мути.
А не то рвану по следу –
кто меня вернёт? –
И на валенках уеду
в сорок пятый год.
В сорок пятом угадаю,
там, где – боже мой! –
Будет мама молодая
и отец живой.
Геннадий Шпаликов

Хорошо сказал поэт, но... отправиться в сентиментальное путешествие по стране давно прожитых лет — это ли не мечта каждого пожившего на свете человека?

В историческом масштабе шестидесятые годы для нас не такое уж далёкое прошлое. Многие ещё живы из тех, кто помнит моё село, которое осталось там, в не существующем уже государстве. А как было бы здорово самому побывать там! Сколько можно было бы увидеть и узнать интересного! Я даже представил себе, как я иду весной 1964 года по улице Междуречье в селе Троицком, что в Тюльганском районе, а навстречу мне шагает старый знакомый моих дедушки и бабушки, тот, который вынул для меня когда-то из кармана телогрейки вкусную шоколадную конфету с золотистым фантиком. Он ещё не стар, полон сил, что-то несёт под мышкой.

— Подойти, что ли, — подумал я, — поздороваться, объяснить. Не поверит ведь, примет за сумасшедшего. Да и стоит ли к нему подходить, он ведь даже на похороны деда и бабки не пришёл, да и потом ни разу не объявился. Бог с ним, пусть идёт своей дорогой...

Интересно, ведь в том Троицком я мог бы встретить своих будущих учителей, соседей и замечательных простых людей, помнивших прежнюю жизнь и унесших свою память в могилу. Как было бы здорово сидеть с одним из них в уютной комнате, пить сладкий чай с лимоном и слушать, слушать...

Хорошо бы и побродить по селу, заглядывая во дворы и окна, ища знакомые с детства уголки!

К тому же, путешествуя в Прошлом, ты застрахован от всяких нелепостей и попаданий пальцем в небо, если не будешь думать о будущем нынешнего села.

А вот на что же в своём путешествии туда обратили бы сельяне своё внимание? Во-первых, прилетев на каком-то летающем аппарате в наше время, они оказались бы на Базарной площади, с которой исчезли знакомые им каменные магазины. Оглядевшись, увидели бы множество домов с пустыми окнами, оторванными ставнями, а некоторые не нашли вообще бы своего дома, на месте которого был бы уже пустырь или вовсе заросшее деревьями пространство. Не увидели бы наши путешественники из шестидесятых и переката через реку Ташла, куда ходили в детстве купаться, дорогу с Междуречья на большак, моста на Зелёный Клин, домов с соломенными крышами (новых-то сколько настроено!), бригадного двора под горой, да и самого колхоза имени Ленина не обнаружили бы. Очень бы удивились, что на сельсовете, называемом теперь какой-то администрацией, развевается имперский флаг, а не родное красное знамя.

Увидели бы в районной газете привычные статьи о сельскохозяйственных работах и урожаях, людях труда, обязательную информацию о международной обстановке — такие простые и понятные им вещи. Будущее в прессе рисовалось безоблачным

и коммунистически правильным. Сегодня мы стали осторожней в прогнозах на будущее. А ведь не так давно нам казалось, что Советская власть простоит ещё лет триста. Наши же соотечественники полагали, что уже в 1960 году мировой Совнарком и Коминтерн будут распущены за ненужностью, а Хрущёв вообще обещал, что в 1980 году в СССР наступит коммунизм.

Теперь, думая о будущем и вспоминая прошлое, нельзя исключить того, что когда-нибудь, в соответствии с научными прогнозами, климат Земли потеплеет, на том месте, где было село, будет стоять лишь памятный знак наподобие того, что стоит на бывшем хуторе Александровка за Рудным, а может, наоборот, Троицкое разрастётся, разбогатеет так, что райцентр переведут туда, а Тюльган вконец захиреет из-за того, что угольные разрезы позакрывают окончательно, и люди будут разъезжаться из-за отсутствия работы. Но случится это, надеюсь, не через пятьдесят лет, а несколько позже. Вот какие дурацкие мысли лезут в голову после сопоставления прошлого с нашим настоящим и думой о будущем.

А под влиянием воспоминаний и этих мыслей мечта о приобретении в личное пользование машины времени стала овладевать мною всё больше и больше. Я стал искать любую возможность для того, чтобы отправиться в путешествие и, конечно, не

в Будущее, а в Прошлое. Зачем лететь туда, где тебя никогда не будет, где тебя никто не ждёт и тебе не рады?

В этом Прошлом мы были не борцами за идею, не проповедниками, а только простыми советскими людьми. В него-то мы и уйдём вместе со своей лохматой седой головой. Когда же я решился на такое путешествие, то выработал для себя некий алгоритм, несколько полезных советов самому себе.

Советы были такие: не бери с собой ничего лишнего. Ведь в прошлом ты был здоровее и выносливее, чем теперь, и наверняка обойдёшься без всего того барахла, которым оброс за прожитые годы. Главное — больше смотри, слушай, запоминай и постарайся забыть нанесённые тебе когда-то обиды. Помни, что человек, обидевший тебя или твоих близких, в то далёкое время ни тебе, ни им ещё ничего плохого не сделал, и твоя неприязнь к нему будет выглядеть беспричинной, а значит, несправедливой и нанесёт ему незаслуженную обиду, после которой его проступок перед тобой получит своё оправдание.

Усвой, сказал я себе, ещё одну простую вещь: возвращаясь из прошлого, ничего ценного захватить с собой не сможешь, всё отнимает таможня из архангелов, поэтому постарайся не думать о пустяках: пропавших когда-то игрушках, книжках, фотографиях, бабушкиных серебряных

ложках и прочем барахле — а сам постарайся оставить в прошлом как можно больше хорошего. Это не пропадёт. Всё к тебе вернётся.

— Что нас мучает больше всего, — думал я, садясь в машину времени, — так это вина перед покойниками. Им ведь ничего не объяснишь, прощения у них не попросишь. Твоя вина перед ними так за тобою и ходит, как голодная собака. И последнее, — склонив на грудь лохматую голову, говорил я себе, — бойся попасть в страну «вылетевших воробьёв» и «чёрной неблагоприятности». Попад туда, ты никогда не сможешь вернуться домой...

Да, здорово было бы уснуть и проснуться в нашем Троицком, году так в шестьдесят четвёртом. Это, наверное, самый простой и единственный способ побывать там. Как это у Пушкина: «Люблю летать, заснувши наяву...»

И тогда тебя, улетевшего, начинают окружать впечатления далёкого детства. И неповторимый запах из печных труб в зимний солнечный день, и мычание, бляение стада, бредущего по улице, и раскалённый дрожащий воздух у самоварной трубы с вылетающими из неё в синее вечернее небо искрами, и парное молоко бабушкиной коровы, и поднятая со дна колодца ледяная вода, и грохот привязанной к ведру железной цепи. В общем, всё то, что смешалось в твоей памяти вместе с пылью городских

дворов, паром над корытом, гудением примуса, тиканьем ходиков и запахом кошек в чулане. Размышляя обо всём этом, я и не заметил, как за окном стемнело, видения куда-то исчезли.

«Они, наверное, все превратились в сон», — подумал я и сам стал куда-то проваливаться.

...И вот я такой, как есть, без денег, паспорта и проездного билета оказался в июне 1964 года в родительском доме на улице Междуречье, откуда лет через семь был увезён в Свердловскую область и откуда я регулярно приезжал обратно на каникулы.

Радиоточка «Север» в доме транслировала позывные оренбургского радио, за окном светило солнце, а в доме было тихо и тускло. Только на печке светились ярким жёлтым светом два немигающих глаза кота Васьки, проходимца и обжоры. Испугавшись этих глаз, я ушёл в переднюю и выглянул из окна на улицу. Там я увидел проезжающую по улице бричку, «большого» мальчишку, который жил в доме на бригадном дворе, и ещё одного мальчишку, на велосипеде, с круглым рулём от автомобиля. «Стоило ли из-за такой ерунды углубляться в историю?» — подумал я. И что вообще делать современному человеку в деревне шестидесятых? Куда девать привычки и блага цивилизации, накопленные за прошедшие годы? Интернета нет. Телевизора нет. Даже у тех, у кого имелся чуть

позже чёрно-белый «Рассвет», он не всегда показывал чисто и без «снега». Телефона нет. Да и некому позвонить. Приятели мои ещё лежат в колясках и пускают слюни, а девочки, так украсившие жизнь, ещё и на свет-то не появились.

И тогда я подумал: а не пойти ли мне в Троицк? В детстве я так любил ходить туда. У наших междуреченцев ещё сохранилась память о том, что их улица некогда называлась хутором Старая Америка. И встречные на улице на вопрос, куда или откуда, всегда говорили: пошли в Троицк за хлебом. Иду с Троицка в Старую Америку...

А может, вечером сходить в кино? Память услужливо подсказывает, что детский билет стоит пять копеек... А фильм сегодня идёт индийский, «Бродяга». Именно после этого фильма молодёжь стала отращивать тонкие усики, как у главного героя, и в шутку выгаскивать кошельки у своих подружек и сокурсниц. А на следующей неделе будет итальянский, взрослый, «Ночи Кабирии». Немного подумав, я решил не ходить, что толку смотреть эти фильмы и сидеть на длинной скамье, которую выставляли для ребятни впереди всех рядов, перед экраном.

И я решил просто прогуляться. Ещё рано, значит, есть время пошатаваться по селу, по магазинам, тем более в базарный день, воскресенье!

Подводки с соседних сёл уже подтягиваются, башкирки вынимают пуховые тяжёлые шали на продажу, тётки занимают места за прилавком длинного, открытого всем ветрам, окрашенного зелёной краской, с крышей, торгового ряда, двери каменных магазинов услужливо открыты, в киоске уже торгуют газетами, журналами и прочей канцелярщиной. На площади кипит базар, всхрапывают кони у коновязи, фырчит приехавший из Тюльгана «зиллок» с будкой разъездной торговли, задние двери которой распахнуты, и мы видим развешанные халаты, кофточки, кальсоны и ещё какое-то шмотьё, нужное селянам. Рядами, на всей площади, на земле, на газетках, на простынях разложены нехитрые предметы торговли... Вот и крытый мясной павильон, за прилавком ряды торговцев — в белых нарукавниках и фартуках, перед весами и грудой кусков красного мяса — зазывают покупателей и расхваливают товар. И никто не ведает, что через 40 лет не будет ни этих каменных магазинов, ни киоска, длинный ряд зелёного крытого прилавка придёт в упадок, но всё же сохранится, и его немного отреставрируют. Исчезнет и лимонадная будка, но на всю жизнь запомнится неотразимый, искристый вкус той холодной газировки.

Время идёт, базар рассасывается.

Я подхожу к киоску и покупаю свежий номер «Прогресса» за две копейки из рассыпанной кем-то под ногами мелочи. Газета почему-то за 1968, а не 1964 год, как я надеялся, да ладно, это не главное. Мелочи хватило и на бутылочку лимонада, да-да, того самого, знаменитого троцкого лимонада по 27 копеек за бутылку, что шибает в нос газом, а во рту долго стоит лимонадное послевкусие.

Сажусь на опустевший прилавок рядом с будкой и разворачиваю «Прогресс» от 7 октября 1968 года. Узнаю, что издаётся он с 1935 года, а на первой полосе вижу портрет тракториста Гайзуллы Мазитова из совхоза имени Свердлова. В Тугустемире готовятся к празднику сельского труженика, а работники совхоза имени Димитрова подошли к выполнению годового плана, им осталось сдать 50 центнеров молока. В колхозе «Заря» на ферме № 4 доярки Л. Плаксина и Р. Горшкова получили в сентябре от своих бурёнок по 160 литров молока.

За достигнутые успехи в развитии просвещения в годы семилетки Президиум Верховного Совета СССР своим Указом наградил учительницу Троицкой сельской школы Абоимову Нину Максимовну и уборщицу Ташлинской средней школы Денисову Екатерину Ивановну орденом «Знак Почёта».

«Интересно, будут ли награждать в XXI веке, откуда я прибыл, уборщиц?» — усмехнулся я. Тут же колонка сводки надоев молока на одну фуражную корову, почему-то в килограммах, причём, как оказалось, самые удойные коровы были в колхозе «Победа» и давали по 165 килограммов молока. Тут же большая передовица о том, что начал работать «Ленинский Университет Миллионов», занятия проходят организованно и со стопроцентной явкой слушателей, однако особо отличились ташлинцы, а вот в бригаде колхоза «Заря» занятия в политшколе были сорваны без видимой причины.

Чтение газет, должен вам сказать, не такое уж скучное занятие.

Может, подкрепиться? И я иду в столовую. В чайную — услужливо подсказывает память. Не ту, что построят через несколько лет шабашники, белую, кирпичную, а ту, что стоит на отшибе от базара, рядом с проулком, спускающимся к речке. Иду мимо ветлечебницы, она закрыта по случаю выходного дня. Здание столовой, которое исчезнет несколькими десятками лет позже, большое, деревянное; поднимаюсь по лестнице вверх, огромный зал со столиками и народом, вкусно пахнет, запахи блюд смешались и щекочут ноздри.

Вystояв очередь и заплатив смешную для человека будущего сумму (что-то чуть больше

полтинника), отхожу к столику у окна, занавешенного белым тюлем, и ставлю поднос рядом с солонкой и перечницей. Пю-решка с тонкой, но довольно большой котлетой приправлена красноватым соусом, ароматный компот и два слегка чёрствых кусочка хлеба... Вкусно!

Вижу, как к столовой подошёл оренбургский автобус. Выходящие из него люди нарядно, по-городскому, одеты, один в лётной форме гражданской авиации. Это же дядя Володя, сын моего дедушки, Беляева Ильи Даниловича! С кожаным чемоданом, ладный и подтянутый! Выскочить, крикнуть, как в детстве: «Дядя-я Во-ло-дяя...» — но нет... Он знает, что я только родился. Кто я для него сейчас — седой, бородатый дядька, старше его на пару десятков лет... А как интересно было бы поговорить с ним, послушать об авиации, тайге, Якутии, где он однажды чуть не погиб вместе с экипажем, когда вертолёт рухнул в тайгу, амортизировав лопастями на макушках деревьев. Да что там, трижды он был на волосок от гибели; в Оренбурге, простукивая колёса, лежал под составом поезда, когда тот неожиданно тронулся, а в армии что-то произошло с его водолазным костюмом, чудом был выгашен на поверхность... И вот вертолёт...

Я выхожу из столовой и вспоминаю, что потом в этом здании расположится магазин, где будут

продаваться книги, канцелярские принадлежности, игрушки, значёна, горны, барабаны, вымпелы, перочистки, переводные картинки, пионерские галстуки, октябрятские значки, один из которых, с чёрно-белым фото маленького Ленина, я несколько раз покупал за 5 копеек и всё мечтал, чтобы мне купили пионерский горн или, на крайний случай, барабан.

Были в магазине и игрушки. Там я впервые увидел заводную птичку, а также заводных мотоциклиста в военной форме и физкультурника, болтающегося на турнике. Самая дорогая игрушка стояла четыре восемьдесят и называлась «Чапаев». Она представляла собой тачанку, в которой находился комдив со своими боевыми товарищами. Сбоку игрушки торчала какая-то ручка, наверное, для того, чтобы её заводить. Продавались там и кубики, и деревянные обручи, и так называемые «скакалки» — палки с лошадиными мордами на конце. А на полке, с боку, стоял пластмассовый мишка. Тот самый, красного цвета, с двигающимися передними и задними лапками и головой. Именно его я получил зимой 1968 года от мамы. Ясно слышу, как хлопнула калитка; я выглянул в окно — вдоль изгороди идёт мама и машет мне чем-то красным... Этот мишка до сих пор стоит на подоконнике на даче, и я каждый раз, приезжая туда, здороваюсь

с ним, как со старым знакомым, а он, как и прежде, добродушно, как умеют все мишки, улыбается мне из детства.

Много книг продавалось в книжном деревенском магазине, я любил туда заходить уже позже, в семидесятые. Помню книги о юных пионерах, красочную книгу о Мальдивах, совсем неинтересные взрослые книги, тут же деревянные перьевые ручки по две копейки и коробок самих перьев, чернила и тетради с промокашками. А репродукции картин-постеров на картонной раме? У меня до сих пор висят на даче две такие: Иван, скачущий на сером волке, и охота на лис — бородатый мужик на лошади, пущенной в галоп, и лиса, несущаяся по полю на фоне гор, очень похожих на наши, Троицкие. Иногда завозили гипсовые скульптуры: Емеля со щукой, сестрица Алёнушка и братец Иванушка, огромный петух... Одна из них тоже у меня сохранилась: комбайнёр в гимнастёрке и галифе сидит на пеньке и играет на гармошке. Бабушка любила покупать такие картины и скульптурки.

Рядом с книжным — магазин «Ласточка», но я прохожу мимо: чего я там не видал? Ну, нитки-шпульки, одеколоны «Шипр», «Гвоздика» и «Фиалка», ткани, ножницы, неинтересно мне было там в детстве, и сейчас неинтересно. А направился я

в комиссионный, что стоял около парка, на краю базарной площади, — тёмное, невзрачное и даже страшненькое кирпичное здание. И как Данте, «земную жизнь пройдя до половины, ...очутился в сумрачном лесу», — так было темно и мрачно в магазине, где до потолка полки с товаром. Запомнилась большая игрушечная гоночная машина, так хотелось мне её тогда.

— Дайте, — попросил я продавщицу, та недоумённо уставилась на меня, потом подошла к лесенке и достала мне заветное авто. Тяжёлая металлическая игрушка приятно холодила ладони, крупные колёса вращались с характерным шумом. Я молча отдал игрушку обратно. Нельзя мне её брать назад в будущее.

— Не понравилась? Давно лежит, несколько лет уже, никто и не спрашивает, — пожаловалась продавщица.

Я молча развёл руками.

— Скажите, а игры, такие картонные с кубиками и фишками, которые передвигают по полю, у вас есть?

— Пока нет, но я сделала заявку.

И я вспомнил, как по нашей улице тогда прошёл бум покупок таких игр, мне купили две, другу Феде несколько... И куда они так быстро запропались?

Выйдя на улицу, я сощурился от яркого снега. Что такое? Заходил — было лето... Ах да, моя

машина времени сделала скачок на несколько месяцев. Я огляделся; базарная площадь была по-прежнему оживлённой, сбоку от прилавка стояла понурая лошадь, в санях сено, а у прилавка баба, закутанная в клетчатый зимний платок, распродала остатки — несколько замороженных кружков молока, лежащих там же, на возу, на сене. Помню такое молоко; когда у нас не стало коровы, мы покупали молоко зимой в таком вот замороженном виде, очистив от сена и мусора, его растапливали в кастрюле, а я любил сосать мороженые кусочки. Настоящего мороженого я в то время ещё не пробовал, только слышал о нём, конечно...

Рядом кто-то продавал плетёные то ли из лыка, то ли из берёсты половники-шумовки для пельменей, а рядом покупательница... Я вздрогнул: моя бабушка покупала половники, и я помню, как она их принесла домой с базара! Ей сейчас чуть больше шестидесяти, скоро я её догоню, грустно подумал я и молча отошёл от прилавка. В прошлом негоже встречаться ни с самим собой, ни с родственниками.

Бродя по базарной площади, я заходил и в другие магазины, мне было интересно посмотреть, чем они торгуют. Продуктовый и дежурка, хлебный и хозяйственный, он был такой же грязно-неприступный, в нём было так же полутемно, отпускались скобы, топоры, замки, а гвозди брались

специальным черпаком из деревянных ящичков, заворачивались в промасленную бумагу и взвешивались.

Хлеб привозили нечасто, всегда выстраивалась очередь; в продуктивном я увидел замечательный мармелад, огромный квадратный кусочнице в лощёной бумаге, от него ножом мне продавщица отрезала кусочек и завернула в бумагу. Выйдя на свет божий, я тут же съел это лакомство детства.

Куда дальше? Оставив базарную площадь, я иду в сторону улицы Ленинской, слева комбинат, где я как-то попал на настоящую ёлку с подарками, там же была и парикмахерская, в которой работала добрая тётя Валя. Ёлка та была событием для детворы, праздник устроило руководство комбината для детей своих рабочих; как я туда попал, непонятно, моя мама работала в те дни телефонисткой на почте. Весело было, Дед Мороз и Снегурочка водили с нами хоровод возле огромной ёлки, а Ирка Горячева, стоя на табуретке, пела песню «На Мамаевом кургане тишина»... Нет теперь ни парикмахерской, ни тёти Вали, да и самого здания нет. Нет уже и самой Ирины, и только её песня звучит в моих ушах... Исчез и хозяйственный магазин, нет и следующего дома, двухэтажного, на втором этаже которого через несколько лет я буду посещать

подготовительный класс перед школой и где получу первое в своей жизни домашнее задание: обрисовать клеточки в тетрадке, которые я добросовестно и коряво обводил. Уже потом, в классе третьем-четвёртом, вспомнив этот свой подвиг, удивлялся: и почему я не взял линейку да не расчертил всю страницу?

Выйдя на Ленинскую, поворачиваю налево, дохожу до почты, там на коммутаторе работала мама, и у домохозяйки она нашла забытые кем-то часы... Никто не явился за пропажей, и я гордо два раза надевал их на руку и приходил в школу. Часы и так были в те годы редкостью, а тут у первоклашки, можете себе представить фурор в классе? Зайти? Нет, я повернул во двор начальной школы, где начнутся вскоре мои школьные годы. Была перемена, детвора носилась по двору, мальчишки, сцепившись руками, неслись цепью на девчонок, «загоняя их в сети», те визжали, но были довольны. Но вот на крыльцо вышла женщина с колокольчиком в руках, и по двору разнёсся мелодичный звон. Все поспешили в классы.

Зашёл за ними и я.

— Вы за кем-то пришли? — спросила меня женщина с колокольчиком.

— Я из газеты, — зачем-то соврал я, — можно посмотреть пионерскую комнату?

Комната оказалась такой, какой я её помнил, в ней было всегда прохладно, по стенам и вдоль расставлены стенды и плакаты, знамёна, горн и барабаны, пионерская атрибутика тех лет, огромный цветной портрет В.И.Ленина, фотографии пионеров-героев, какие-то статьи, выпелы и грамоты. Скоро мы всем классом будем фотографироваться здесь, для нас расставят длинные скамейки, мне на них места не достанется, и я сяду на краешек первого ряда с девочками.

— Они не кусаются, — скажет мне тогда моя первая учительница, Любовь Петровна.

Пока я предавался воспоминаниям, которые произойдут в будущем, в коридоре прозвонел колокольчик, возвещающий о новой перемене. Шум, гам, топот, за дверями пионерской столпотворение, ребята куда-то бегут, визжат, спотыкаются. Осторожно выглянув, я понял, в чём дело. Большая перемена, и в школу привезли пирожки!

О, эти пирожки! Самые вкусные пирожки на свете, огромные, из тонкого теста, с большим количеством повидла, кусанёшь, а оно брызжет, выдавливается на пальцы, горячее и вкусное! Их приносили из столовой в эмалированных вёдрах с крышечкой, с пылу с жару, по пятаку за штуку, остальное доплачивал колхоз. Бывало, не хватало на всех. На этот раз хватило, и даже я,

стеснительно заглянув в окошечко, попросил один... Выйдя на улицу, побрёл куда глаза глядят.

Как-то незаметно я вновь оказался на базарной площади. Зашёл в дежурку, где застал небольшую очередь, в которой стояли моя бабушка Мария Степановна, тётки: Маня Стычова, Нюра Беляева, Катя Акишина — и ещё две незнакомые мне женщины в цигейках, топились большая круглая печь, в которой краснел уголь, скрипели половицы, было тепло и уютно. Ещё молодые и полные сил женщины переминались у прилавка, что-то выбирали или спрашивали у продавщицы и, конечно, разговаривали. Я попросил рассказать о старом Троицке. Они вспомнили о том, как в начале тридцатых построили в нём клуб, как в военные годы работали на износ, как встречали мужей с фронта, как совсем недавно меняли столбы освещения и «выписывали» шифер на дома взамен соломы на крышах, а колхоз помогал им в этом, но в первую очередь шифер выделялся ветеранам.

Я же стоял и думал: «Боже мой, о чём они говорят, ведь скоро всё изменится, а они о всякой ерунде, о чьём-то внуке, который расквасил нос, катаясь на ледянке, о дяде Коле, который напился и дал шороху на деревне, о том, что на неделе обещали привезти майонез в стеклянных банках... Не знают, что их ждёт. Кончится счастливая эпоха, которую назовут застоём, да что

застой, они даже не знают, какая будет погода, а я знаю, помню. Зима 1969-го выдастся столь снежная, что ходить будут через плетни и заборы, зимой 1978-го будет очень холодно, лето ж 1979-го — жаркое, а осень 1984-го — солнечная, но прохладная и ветреная».

Смотрел я на них и думал: сказать им о том, что их ждёт... И, подумав, решил: не буду, а то ещё наболтают где-нибудь о кончине Брежнева в 1982 году, о перестройке, о развале Советского Союза, а потом их затаскают «за провокационные разговоры». Но неожиданно для самого себя выпалил: «А вы знаете, что скоро будет войны?»

— С кем? — спросила тётка Катя.

— В Афганистане интернациональную помощь будем оказывать, а в девяностых ряд чеченских прокатится, — ответил я.

— Ах, оставьте, какой Афганистан! — воскликнула одна. — А чечено-ингуши наши, кто ж с ними воевать будет?

И тут заговорили все. Никто не хотел верить в то, что будет вновь война и наши ребята по призыву в армию будут направлены в Афганистан, пятнадцать тысяч не вернётся оттуда.

— Ну а если и будет, — решила дежурка, — то ненадолго, разбили же мы финнов, японцев на Халхин-Голе, немцев в 45-м, что же, мы и там не справимся?

Моя бабушка посчитала, что не допустит войны наше руководство,

тем более в Чечне. Я уж пожалел о том, что вылез со своим предупреждением: и не убедил никого, и настроение всем испортил. Потом до меня дошло: они ведь не знали, кто я такой, и поэтому мои слова никакой ценности для них не представляли: мало ли кто что болтает, а то, может быть, я вообще какой-нибудь подосланный с целью проверки их морально-идеологического состояния. В общем, сенсации не получилось. И хорошо. Нечего соваться к людям с открытиями, время которых ещё не настало. Чтобы своим видом не напоминать женщинам о плохом, я решил уйти и взять в киоске ещё одну газету. Мне было интересно узнать, о чем ещё писал в шестидесятых наш «Прогресс», районная газета того и нашего времени.

В газете всё было тихо и безмятежно, как в летнее украинское утро, когда старосветские помещики Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна делают первые зевки и почёсывают запревшие после сладкого сна складки разомлевшего тела. «Прогресс» сообщал о том, что колхозникам теперь разрешается часть урожая, полученного сверх плана, оставлять себе, сообщалось также о том, что учитель Ташлинской средней школы С.Г. Евдокимов выписал на следующий год 13 газет и журналов, а в селе Боклинка вот уже два месяца нет электричества, однако туда направлен

специалист, который занимается ремонтом генератора и оборудования местной электростанции. Объявлялось о начале системы политпросвещений и продаже плодово-ягодных и древесных саженцев Саракташским плодopитомническим совхозом.

Нашлось в газете и место критике, так водители Башкирской автоколонны сетовали на то, что в Тюльгане не работает с восьми вечера столовая, а у них путь неблизкий, осенние дороги, известно, плохие, от Исянгулово до Тюльганской нефтебазы ехать довольно долго, а покушать вечером негде... Да и «на широкоэкранный киноэстраде в рабочем посёлке Тюльган не демонстрируются киножурналы, а на вечерние киносеансы допускаются дети и подростки, которые мешают смотреть фильмы взрослым». Так что киномеханику Н.Чертыковцеву указано на необходимость улучшить качество показов, а контролёр З.Белан предупреждена, чтобы во время показа киносеанса вход был закрыт.

Тревожные международные новости: четыре тысячи американских солдат высадились 5 октября в Южном Вьетнаме, и общее их количество составило 321 тысячу человек, однако на этот период бойцы Армии освобождения Южного Вьетнама сбили и повредили 1467 самолётов и сильно потрепали 1-й аэромобильный дивизион США. Южновьетнамские патриоты только

в одной провинции Биньдинь за сентябрь 1968 года одержали девять крупных побед и вывели из строя 14000 американских солдат и офицеров. Странная статистика, надо сказать, но я порадовался успехам воинов Вьетнамской Народной Армии, тем более знал, чем закончится эта интервенция в будущем.

Почитав, я решил пройтись в сторону ферм колхоза имени Ленина, о котором часто писала газета. Путь мой лежал в сторону Казённого моста, который имел такое название ещё с дореволюционных времён, там же стояла и мельница, куда сельчане свозили на лошадях мешки с зерном и семечками. А какой вкусный «колубь» мне приносил оттуда дедушка! И почему он так звался, этот спрессованный кусок отходов производства подсолнечного масла?

Миновав Казённый мост, я попал на массовое гуляние. Неужто масленица? Да-да, было такое, расчищалось поле от снега, и на нём проводились скачки на лошадях. В этот момент скачки закончились, и какой-то приз взяла девушка-башкирка на своём жеребце. Играла гармошка, люди расходились, кто пешком, кто на санях в Николаевку, Ивановку или на Рудный... Вот к ним-то я и напросился, запрыгнул в сани, устроился на соломе, и с ветерком, под звон бубенцов под развевающимися

разноцветными ленточками, лошадка лихо доставила меня обратно на Междуречье.

В моём доме было по-прежнему тихо. Тикают ходики с кукушкой, рядом висит огромная репродукция картины «Опять двойка», в передней, в углу, стоит огромный лимон, который ежегодно цвёл, издавая такой аромат, что голова кружилась от приторного запаха, и бабушка выносила его на веранду. Кот Васька по-прежнему сидит на печке и таращит свои зелёные глазки. А в окнах, между рам, как водится, лежат украшения. Многие в Троицке делали так: на полено укладывали вату, посыпали толчёным цветным стеклом, который получали из разбившихся новогодних игрушек, раскладывали искусственные цветы, а бабушка ещё и устанавливала игрушки. До сих пор сохранились две белые пластмассовые лисички-сестрички, которые сейчас стоят на телевизоре моей дачи.

— Привет, лисички, — помаhal я им рукой, — скоро увидимся, лет так через 50, в будущем!

И я решил затопить печку. Когда занялся огонь, уселся на скамеечку перед открытой дверцей, уставился на потрескивающие поленья и задумался. Далёкое детство вспомнилось мне, я перебирал в воображении картины проказ и событий. Вспомнил, как прыгали с маленького, старенького дома соседей в сугроб и как Рая, старшая сестра моей подружки

Зои, утопла по самую шею, еле выкарабкалась, как «пахали» целину на лыжах с другом Федей, ходили по полю взад-вперёд, смещая лыжню в сторону, и получалось будто вспаханное поле, вспомнился незабываемый полёт на велосипеде с «горбато-го» моста, прозванного в народе Шаранов мост, когда мне не хватило силёнок поднажать на педали и въехать на его макушку, и я кувыркнулся вниз, повезло, приземлился на ноги, и на меня свалился велосипед, а потом я сидел во дворе у Зойки и выжимал носки, а бабушка, которой кто-то уже доложил, пошла меня искать, увидела, встала и осуждающе кивала головой...

Поленья потрескивали, кот тихо урчал где-то на лежанке, зажужжал часовой механизм, опуская гири, кукушка начала отсчитывать своим «ку-ку» годы

и десятилетия, и я стал вновь проваливаться куда-то в забытье, было тепло и уютно сидеть вот так, перед открытым огнём, и предаваться воспоминаниям...

Не увидеть уже никогда мне того Троицка шестидесятых, нет тех людей, что жили в то время и сгнули во времени. Уже не увидеть своих близких, и невозможно встретиться с самим собой, никогда не услышать мычание бредущего домой стада, щёлканье кнута, дребезжанье проезжающей мимо дома телеги и рокот проходящего по дороге трактора Т-54, от которого дребезжали стёкла. Не звякнет калитка, и не улетит рой пчёл из сада, как некогда все мы улетели из родного села, лишь сохранив его в своих воспоминаниях.

Всё унесёт с собой время...

Пора домой, назад в будущее.

Мария Степановна Жаркова и Илья Данилович Беляев в Троицком, Сентябрь, 1983 год.